

ПАМЯТЬ. ТЫ КАК БЕЛАЯ ЛЕБЕДЬ

Память..! Ты вновь и вновь возвращаешь нас в то далекое и суровое время, когда решалась судьба Родины. И нет ничего что заставило бы нас за быть фронтовые годы. Помню свои встречи с Федором Дмитриевичем Березовским, фронтовиком, разведчиком, освобождавшим Сахалин от японских захватчиков. Наши долгие разговоры неизменно за канчивались одним вопросом: где же вы теперь однополчане? Несколько лет назад Березовский ушел из жизни, но все рассказало им — в моих журналистских блокнотах. Один из эпизодов августа 1941 года...

Ненастной мглой ночью взвод разведки седьмой стрелковой роты 179 стрелкового полка перешел по подвластному мосту Поронай и растворился в тундре. Шагали гуськом, в затылок друг другу. Впереди неслышно скользил нивх Константин Корнейчук, невысокий малый с глубоко посаженными раскосыми глазами, могучей грудью и мускулистыми, с медвежьей силой, руками. С неба падала тончайшая кисея дождя. Она даже не падала, казалось, она повисла в воздухе и неслышно парит. Вечером 9 августа был получен приказ: силами взвода ликидировать японский пограничный пост «Муйка». На сбор отводились считанные часы. Подгоняли обувь, проверяли оружие.

Выступали с темнотой. Среди них не было трусов. Многие из них отслужили действительную продолжали служить в приграничной полосе. Тяжелые бои на западе с ним цами рождали стремление быть там, на фронте, и не раз огрубелая солдатская рука писала рапорт с просьбой направить в действительную армию, и не изменяя в левом углу листа появлялось «отказать». Постоянные марши, рты окопов, стрельбы, учения закалили их, сделили настоящими бойцами. Но теперь в душе каждого разведчика жило ожидание неизвестности, смутное тревожное ожидание исхода этого рейда.

Корнейчук, ему только понятным чутьем, вел отряд. Сын этих мест, он искал долину Пороная вдоль и поперек. Не один раз с оленями стадами бывал в самых безлюдных диких и укромных местах.

Казалось, он мог идти с закрытыми глазами и не заблудиться. Вот и теперь через мороз и ягелевые тундры он уверенно вел разведчиков на юг. Треть им в цепочке шел старшина Федор Березовский, перед ним темным пятном маячила спина командира роты Малышева. Это были опытные разведчики, отдавшие этой науке все годы службы. Но и они едва уловили момент, когда Корнейчук изменил направление. Теперь отряд, описав дугу, повернулся на север. В четырех километрах позади осталась государственная граница. На прижение усиливалось с каждым шагом. Что там ни говори, а это был первый боевой рейд в тыл противника, и та неизвестность, которая ждала впереди, во много раз подняла осторожность.

Но только майор Малышев, возглавляемый группу уничтожения, знал, что в действие пришла скрытая до этой поры пружина, и на всем пространстве от Татарского пролива до Охотского моря к границе скрытно подтягивались войска, а в тылу у японцев вот также бесшумно и толково действуют подобные группы. Еще он знал, что параллельно им вдоль Пороная на юг движется небольшое подразделение разведчиков, в задачу которого входило перерезать рокадную дорогу на Катон (Победино). О ликвидации погранпоста «Муйка» там никто не должен знать.

Майор Малышев прошел финскую войну, знал цену фронтовому братству, взаимопомощи. Сейчас за его спиной по мягкому ковру оленяного ягеля шли необстрелянные люди, но на каждого из них Малышев мог положиться, как на самого себя. План операции был разработан заранее, но по фронтовому опыту майор еще и еще «прокручивал» в мозгу возможные ситуации. Группу захвата, конечно, возглавил старшина Березовский. Они инициативнее и неторопливы — два качества, столь необходимые разведчику. Коммунист. Остальных он подберет сам, но Кревенко войдет первым...

Раздумья Малышева прервал Корнейчук. Он пошел медленно, далеко вперед, вынося ноги, как будто, скрадываясь, подходит к зверю. Наконец он поднял руку и остановился. В темноте смутно угадалось силуэт здания. Повернувшись к Малышеву, Корнейчук сказал: «Японцы. Теперь я буду уходить».

Майор крепко пожал ему руку, и нивх исчез во мраке ночи. Было полдня утра.

— Старший Березовский, — приказал майор, после того, как разведчики окружили его, — подберите себе 9 человек. Задача сложная — снять часового и без шума выяснять, сколько здесь человек. Действуйте. Ждем вас.

Березовский — широко плечий, крепыш, шепотом стал называть: Кривенко, Черных, Волосков... Малышев про себя с удовлетворением отметил, что и он выбрал бы этих же людей.

Группа ушла. Оставшиеся подготовились к бою. Ожидать можно было всякое. Изворотливость японцев известна. Но пока все было тихо — все также шуршал по листьям и трахал дождь, в сером здании которое стояло напротив, не было заметно ни одного движения, и только в правом крыле казармы в одном из окон, приглядевшись, можно было различить неяркие блики огня.

Стало сереть.

Между тем Березовский с группой вырезал проход в заграждении из колючей проволоки и под пологом дождя неслышно скользил к вышке часовому. Главная ударная сила для них сейчас был Кривенко. Этот парень родом с Иркутска на севере Сахалина. В свободное от службы время его можно было видеть только за одним занятием — он метал ножи. В теперешней ситуации это качество стало бесценным.

Березовский на глаз определил высоту вышки — метров 13 — и кинул Кривенко. Часовой маячил на верху, не подозревая, что у подножья вышки Кривенко уже взял в свою широкую ладонь лезвие ножа. Березовский, лежа в трех шагах от него, скользя словно взвешенная пружина, ожидал события, от которых зависел успех всей группы.

Кривенко приподнялся, несколько раз отвел руку назад, испытывая прочность положения, и выбрав момент, метнул нож. Березовский заметил, как светлой рыбкой в потоке дождя мелькнул нож, и в следующее мгновение часовому глухо стукнулся о землю. Нет, не зря тренировался. В темноте смутно угадалось силуэт здания. Повернувшись к Малышеву, Корнейчук сказал: «Японцы. Теперь я буду уходить».

Малышев почему-то не любил, мало кому о нем рассказывал, скорее всего от того, что оно у него в большинстве случаев было связано с войной, а войну он люто ненавидел.

Старшина показал на барак, и разведчики устроились к нему. Теперь можно было действовать без опаски, но торопиться следовало. В крайнем оконце, куда заглянул один из разведчиков, можно было увидеть часового, стоящего у неяркой лампы. Тусклые отблески не освещали всего помещения, и только большим напряжением глаз можно было различить двухъяростные крошки, но подсчитать сколько их было невозможно, и Березовский повел группу к правому крылу казармы. Там из оконного проема падал достаточно яркий свет. Это была столовая. Несколько поваров раскладывали по мискам рис. На длинных столах разведчики насчитали около шестидесяти мисок с рисом и на отдельном столе еще 12, куда повара из котла раскладывали еще и кусочки мяса.

«Значит, 60 солдат и 12 офицеров», — подумал Березовский — и уже хотел дать команду на отход, но в этот миг послышались шаги, дверь распахнулась, и едва не зацепив старшину ведром, по досчатому настилу к колодцу пробежал японский солдат. На его голове болталась какая-то тряпица, возможно, это была куртка, которую он набросил от дождя и только, вероятно, он не заметил разведчиков. Старшина предостерегающе поднял руку, разведчики приближались к стеле, а Соловьев обножил нож. «Если заметят — убить», — таков был безмолвный приказ, и он был понятен правильно. Но солдату было недосуг смотреть по сторонам, тем более в такую скверную погоду, и он что-то, мурлыкая под нос, захлопнул за собой дверь. Через минуту майор Малышев в деталях знал некоторые особенности погранпоста «Муйка». «Сейчас начнем», — подумал он и вдруг от удивления заметил, что его трясет. Но эта была дрожь не от страха, а от колоссального нервного напряжения. Малышев знал, что уже через минуту он будет спокоен, как никогда. Этот нервный всплеск появлялся у него всегда перед боем. Он испытывал его впервые во время войны с финами, когда в жесточайшие морозы и пурги приходилось делать глубокие рейды в тыл. Орден Красной Звезды — память об одном из таких

рейдов. Тогда... Впрочем «тогда» уже ушло в прошлое, а свое прошлое Малышев почему-то не любил, мало кому о нем рассказывал, скорее всего от того, что оно у него в большинстве случаев было связано с войной, а войну он люто ненавидел.

Старшина показал на барак, и разведчики устроились к нему. Теперь можно было действовать без опаски, но торопиться следовало. В крайнем оконце, куда заглянул один из разведчиков, можно было увидеть часового, стоящего у неяркой лампы. Тусклые отблески не освещали всего помещения, и только большим напряжением глаз можно было различить двухъяростные крошки, но подсчитать сколько их было невозможно, и Березовский повел группу к правому крылу казармы. Там из оконного проема падал достаточно яркий свет. Это была столовая. Несколько поваров раскладывали по мискам рис. На длинных столах разведчики насчитали около шестидесяти мисок с рисом и на отдельном столе еще 12, куда повара из котла раскладывали еще и кусочки мяса.

«Значит, 60 солдат и 12 офицеров», — подумал Березовский — и уже хотел дать команду на отход, но в этот миг послышались шаги, дверь распахнулась, и едва не зацепив старшину ведром, по досчатому настилу к колодцу пробежал японский солдат. На его голове болталась какая-то тряпица, которую он набросил от дождя и только, вероятно, он не заметил разведчиков. Старшина предостерегающе поднял руку, разведчики приближались к стеле, а Соловьев обножил нож. «Если заметят — убить», — таков был безмолвный приказ, и он был понятен правильно. Но солдату было недосуг смотреть по сторонам, тем более в такую скверную погоду, и он что-то, мурлыкая под нос, захлопнул за собой дверь. Через минуту майор Малышев в деталях знал некоторые особенности погранпоста «Муйка». «Сейчас начнем», — подумал он и вдруг от удивления заметил, что его трясет. Но эта была дрожь не от страха, а от колоссального нервного напряжения. Малышев знал, что уже через минуту он будет спокоен, как никогда. Этот нервный всплеск появлялся у него всегда перед боем. Он испытывал его впервые во время войны с финами, когда в жесточайшие морозы и пурги приходилось делать глубокие рейды в тыл. Орден Красной Звезды — память об одном из таких

ко самостоятельных очагов, и это Малышеву не понравилось особенно.

С той поры, когда завязался бой, прошло немного времени, но он уже терял свою густоту и напряженность. Только в одном углу погранпоста, теперь уже бывшего поста, огрызались огнем дзот, но пара противотанковых гранат заставила замолчать и его.

Во внезапно наступившей тишине, а пока еще не ярком свете разгорающегося утра с запада, из-за Пороная донеслись глухие хлопки гранатных взрывов, дробь пулеметных очередей. Это вели боевые действия другие разведгруппы. Там, откуда доносились взрывы и выстрелы, мужественно сражались солдаты из взвода, которым командовал коммунист Овчарик из 165-го стрелкового полка. Они уже трое суток находились у японцев, уничтожили 15 солдат и офицеров, взорвали склад и захватили ценные документы, рассказывающие о системе обороны японцев в районе Харамитогского укрепленного района. Где-то под Камышевым хребтом воевали и разведчики майора Третубенко. Все они, как и в урочный час пересекли границу и теперь люди майора Малышева, умелым и хорошо расчетанным ударом взламывали предполье, подступы к железобетонному Харамитогскому укрепрайону.

За кочающейся пеленой дождя он видел их лица, плотно сжатые губы, он чувствовал душой их же желание идти в бой и побеждать.

Пять утра...

Вся огневая мощь взвода разведки была готова к тому, чтобы обрушить на врага смертельный ливень свинца.

— Огонь, — крикнул Малышев и сразу же удалили автоматы. Раздались взрывы гранат. Разведчики старались упущеный момент внезапности воспользоваться огневой мощью и в полный рост пошли на японскую казарму, откуда уже трещали винтовочные выстрелы. В этот момент перед каждым из поднявшихся солдат стало главное: это же моя земля, и я иду освобождать ее, это же моя судьба, моя жизнь. И не нависть к захватчикам перехлестнула все: и чувство опасности, и неумение, если оно у кого было. Взвод, растекаясь по неширокой территории поста, окружил казарму, забросав в оставшихся в живых японцев гранатами. Но несколькими из них удалось прорваться по подземному ходу, который соединял караульное помещение с казармой. «За говорил» один из дзотов. Бой распался на нескольз

— Тов. майор, разреши доложить, — Федор Березовский стоял перед Малышевым и чему-то улыбался. — Во взводе потерпеть нет, 6 раненных, один — тяжело. А так все в норме.

— Ну что ж, красиво сработали, ребята. Соберите взвод, старшина. Будем выступать.

Майор Малышев отвернулся, но старшина успел заметить, что по его щеке катилась вниз светлая капелька влаги. Скорее всего эта была капля теплого августовского дождя.

Наступило утро.

В. СУКОВ.

2 сентября 1995 года